

Звезда Давида

Давид Маркиш, писатель и сын писателя Переца Маркиша, живет в Израиле и сочиняет романы об истории России

В прошлом у Давида Маркиша остался Советский Союз, где по «Делу еврейского антифашистского Комитета» расстреляли его отца, ссылка, полученный там туберкулез, диссидентство. И молодость. В Израиле — служба в армии, журналистика, наконец, писательский труд. Маркиш сделал все, что полагается настоящему мужчине: построил уютный дом, посадил дерево (гранатовое) и вырастил сына — даже двух. Старшего назвал в честь деда — Перец. Перец Маркиш-младший с творчеством деда почти не знаком, ибо на идиш не читает и не говорит. На русском изъясняется с явным трудом, что сильно огорчает отца, возвращающегося в русскоязычный круг... Недавно у Давида Маркиша появилась новая «общественная нагрузка» — он создал Ассоциацию творческой интеллигенции.

— Чем занимается ассоциация творческой интеллигенции и почему вы решили «придумать» ее?

— Ну представьте себе, приезжает художник — в широком смысле этого слова — из России в Израиль. Все незнакомо, все чужое. Как адаптироваться, как найти себя, не истрепав нервную систему? Ассоциация должна помочь людям творчества не чувствовать себя в стенах психологического гетто, а войти в израильскую культуру, стать частью израильской жизни.

— Когда-то в России вы возглавляли клуб творческой молодежи...

— Было дело. Действительно, в Москве в начале 60-х годов я был президентом клуба творческой молодежи, обособившегося в ЦДРИ. Наш клуб стал одним из ростков того, что потом назвали движением шестидесятников. Нам тогда дали возможность относительно свободно заниматься своим делом...

— Ностальгируете?

— Нет, вспоминаю.

— Ассоциация творческой интеллигенции — русскоязычная. Творческая интеллигенция едет только из России?

— Нет, конечно. Но россияне — пятая часть всей нашей иммиграции. Так представьте себе, сколько творческих русскоязычных людей прибывает в Израиль! Мы были бы рады, если бы к нам присоединились приехавшие из других стран. Но этого не происходит — опять же из-за языка. Объединяет-то всех прежде всего язык. Кстати, знаете, что мы придумали? Хотим воспользоваться проверенным советским опытом — опытом положительным. В маленьком тихом мес-

течке будет построен Дом творчества. Пусть наши «творцы» сидят там до полугода — бесплатно — и занимаются своим делом. А публиковать они смогут в публицистическом альманахе, который будет выходить раз в квартал. Редактировать его будет мой брат, Шимон Маркиш, он специально приедет на год из Женевы. Теперь ищем спонсоров. А еще обязательно построим богадельню для творческих работников — тоже по «анalogии» с Россией.

— Выходит, перенимаете наш передовой опыт?

— А как же!

— Чем занимаетесь в свободное от общественной работы время?

— Журналистикой, как вы знаете, — пишу в «Известиях». Еще в Советском Союзе, в молодости, я печатался в «Московском комсомольце». А первая моя публикация вышла в «Московских новостях» — под псевдонимом: моя фамилия, конечно, была запрещенной... А основное нынешнее занятие — писательство. Каждый день, часов с пяти утра сажусь за стол и работаю... Я много ездил по белу свету, теперь хочу сидеть дома и принадлежать самому себе. Знаете, какая была моя самая первая работа? Я в ссылке играл в похоронном оркестре. Слуха у меня нет никакого, но на тарелках я играл. Денег не платили, но кормили на поминках. Мне было 14 лет.

— Вы уехали, просидев много лет в «отказе».

— Я пытался понять, почему меня не выпускают. Ведь никакой «секретности» у меня не было. Однажды, когда нас — отказников — в очередной раз собрал очередной чиновник из КГБ, я подошел к нему и спросил: «Гражданин начальник, объясните причину отказа. Ведь никакого «допуска» у меня и у моей матери нет». И он очень серьезно ответил: «Ошибаетесь — у вас был допуск — к советскому образу жизни».

— Вы, уже тридцать лет живя в Израиле, говорите и пишете исторические романы на русском, работаете в русскоязычной среде, работаете в русской газете. «Шуты» — о времени Петра Великого, «Полушкола-поле» — о Махно, «Стать Лютовым» — о Бабеле... Парадокс?

— Да!

— Вам нравится?

— Мне нравится жить и жизнь...

А где вы видели жизнь без парадоксов? Но вы не совсем правы — я дружу, по-настоящему, и с коллегами, пишущими на иврите. Это даже удобнее — мы не являемся конкурентами, поскольку работаем на разных «полях». Я таким образом избавлен от грызни с собратьями по цеху... Я вполне комфортно чувствую себя в израильской среде — я здесь дома — и все-таки пишу по-русски.

Для любого израильского писателя я — человек экзотический. Если бы я надел лаковые полусапожки, взял бы аккордеон, цепь с медведем и хлестал бы водку, все встало бы на свои места.

— Как говорил герой старого фильма, «все русские играют на бабалайках».

— Точно!

— «Евреи эмигрируют в Израиль, чтоб русскими почувствовать себя» — это уже Губерман.

— Моя роль в этой стране достаточно странная. Книжки мои переводят с русского на иврит, но от этого они не перестают быть экзотичными. Россия для среднего израильтянина — это Сибирь, медведи и вечный холод. Я эти правила игры принял безоговорочно, они мне не мешают. Но никто не мешает мне писать и печатать то, что хочу. Что для писателя лучше?

— Ваш отец жил в СССР и был еврейским писателем. Вы живете в Израиле, «погрузившись» в историю России. Вы русский писатель?

— Хороший вопрос... Меня интересует еврейская тема, тема жизни евреев в России. Меня интересует жизнь. Вообще проблема писательской самоидентификации очень условна. Язык — одна из важнейших ее составляющих, конечно. Но не всегда определяющая. Язык определяет сознание, ментальность. И наоборот. А вообще, не надо заниматься софистикой — «водораздел» проходит по линии «хороший — плохой» писатель. Какой я писатель — об этом судить не мне.

Юлия КАНТОР,
специор «Известий» — специально
для «Общей газеты»
Тель-Авив